
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

О.В. ЗАХАРОВА*

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И АНАЛИЗ ТОПОСОВ (АРГУМЕНТАЦИОННЫХ СХЕМ) В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В данной статье анализируется использование стратегии аргументации в политическом дискурсе на примере ежегодных посланий российских президентов Б. Ельцина, В. Путина и Дм. Медведева. Особое внимание уделяется лингвистическому конструированию топосов, применяемых спикерами для аргументации своей позиции. Автор также рассматривает методологические проблемы выявления и анализа топосов.

Ключевые слова: дискурс-анализ; топос; аргументация; дискурсивные стратегии.

O.V. Zakharova

Identification and analysis of topoi (argumentative schemes) in political discourse

Abstract. This article accounts for the usage of the argumentation strategy in the political discourse. In particular, the Annual Addresses of Russian Presidents B. Yeltsin, V. Putin and D. Medvedev to the Federal Assembly of Russian Federation are analyzed. The linguistic construction of topoi is the primary component in focus. The article explains also the methodological aspects of identification and analysis of topoi.

Keywords: discourse-analysis; topos; discursive strategies; argumentation.

* **Захарова Олеся Викторовна**, аспирант департамента политической науки НИУ ВШЭ (Москва), e-mail: zakharovaolesya@yahoo.com

Zakharova Olesya, Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: zakharovaolesya@yahoo.com

Современная политическая наука все чаще обращается к дискурсивным исследованиям [Малинова, 2011; Фомин, 2014; Reyes, 2011; Wodak, Cillia, Reisigl, 2009 и др.], позволяющим деконструировать схемы построения коммуникационных связей между политическими акторами и таким образом лучше понять природу их взаимоотношений. Дискурс-анализ представляет собой междисциплинарный подход и охватывает многочисленные и многообразные методики исследования. В настоящей статье мы рассмотрим один из наиболее популярных методов, часто используемых ведущими специалистами по изучению политического дискурса, – анализ дискурсивных стратегий. Он нашел свое применение в исследованиях Р. Водак [Wodak, Cillia, 2009], Т. ван Дейка [Dijk, 2008], А. Рейеса [Reyes, 2011] и др. Перечисленные работы показывают, что данный метод может быть довольно продуктивным как на семантическом, так и на прагматическом уровнях семиотического анализа. Вместе с тем большинство авторов фокусируют свое внимание на описании и анализе результатов исследования, тогда как вопросы методологии остаются за пределами обсуждения. Кроме того, исследователи зачастую используют различный терминологический инструментарий, что затрудняет идентификацию методологии. В связи с этим представляется актуальной систематизация используемых при анализе стратегий методик, а также уточнение аналитического инструментария.

Первоначально необходимо рассмотреть, что понимается под дискурсивной стратегией. В литературе существуют различные подходы к вопросу детерминированности стратегий политического дискурса. Ряд авторов, например М. Эделман и А. Рейес, полагают, что любой политический текст в силу своих жанровых особенностей относится к числу заранее спланированных и осознанно, намеренно конструируется политическим актором (или группой акторов) с учетом действующей повестки дня и поставленных политических целей [Edelman, 1998; Reyes, 2011]. Соответственно, каждый политический актор имеет типовые стратегии воздействия на аудиторию, реализуемые через определенный набор лингвистических средств и риторических приемов.

Некоторые авторы придерживаются более мягкой позиции «относительного детерминизма». Сторонники данного подхода опираются на работы П. Бурдьё, и хотя также рассматривают политический дискурс как результат продуманной стратегии, однако

оценивают последнюю не как «циничный расчет, осознанное, расчетливое достижение максимального преимущества, но, скорее, как неосознанное взаимоотношение между габитусом и полем (т.е. действующими социальными условиями)» [см.: The discursive construction... 2009, p. 32].

Исходя из этого, дискурсивные стратегии можно определить как «более или менее намеренный план дискурсивных практик, формируемых под влиянием габитуса и интернализованных диспозиций, применяемый для достижения определенных социальных, политических, психологических или лингвистических целей» [Kwon, Clarke, Wodak, 2014, p. 5]. Выделяют пять основных дискурсивных стратегий, используемых в политическом дискурсе:

- номинализация (nominalization), выражающаяся в категоризации и конструировании «своей» референтной группы, т.е. той, с которой спикер соотносит себя и свою аудиторию, и противопоставляемой ей «чужой» группы;
- предикация (predication), которая подразумевает присваивание ярлыков, стереотипизацию, как негативную, так и позитивную, определенных социальных акторов;
- перспективизация (perspectivation / framing), т.е. характеристика объекта, социального актора или группы с точки зрения спикера;
- модифицирование эпистемического статуса высказывания (intensification, mitigation), т.е. усиление или снижение интенсивности его побудительного заряда, указание со стороны спикера на то, как это высказывание следует воспринимать;
- аргументирование, т.е. обоснование того или иного действия или позиции [Wodak, 2011, p. 73].

Поскольку количество существующих стратегий довольно велико, в настоящей статье мы ограничимся лишь одной из них и рассмотрим методологические аспекты выявления и анализа аргументационной стратегии (или анализа топосов), а также проиллюстрируем ее использование на конкретных примерах.

Аргументация в политическом дискурсе: Анализ топосов

Для целей настоящей работы мы будем придерживаться широкого понимания аргументации как «способа изменить, переори-

ентировать или усилить с помощью лингвистических приемов позицию адресата» [Amossy, 2014, p. 299]. При этом под позицией адресата подразумеваются не только его представления и суждения, но и перцепции и аттитюды.

В политическом дискурсе данная стратегия играет одну из главенствующих ролей, так как по своей природе он носит аргументационный характер. В сущности большая часть политических речей представляет собой попытку спикера убедить аудиторию разделить его взгляды и представления, обеспечить ему наибольшую поддержку и тем самым легитимировать его решения. Таким образом, анализ аргументационных схем / топосов, используемых политическими акторами, является одним из важных элементов методологии дискурс-анализа. Такой анализ позволяет определить, что придает авторитетность аргументам спикера, реконструировать типичные схемы обоснования принятия тех или иных политических решений и оценить их эффективность [см.: Eemeren, Houtlosser, Henkemaans, 2007].

Долгое время тема аргументации развивалась в сфере логики и философии, но в 80-х годах XX в. она вышла за рамки упомянутых дисциплин. Интерес к аргументации проявили филологи, которые сосредоточились на изучении лингвистических средств построения аргументов, так называемых дискурсивных коннекторов [см.: Moeschler, 2016]. В связи с лингвистическим поворотом в последние два десятилетия положения теории аргументации стали востребованными и в сфере критического дискурс-анализа. В частности, опираясь на модель аргументации С. Тулмина, М. Кьенпоинтнер (M. Kienpointner) ввел в терминологический оборот дискурс-анализа понятие *топос* [см.: Zagar, 2010, p. 22], которое впоследствии использовала Р. Водак. Позднее, в рамках разработанного ею дискурсивно-исторического подхода, она предложила метод анализа топосов для деконструкции и анализа стратегии аргументации в политическом дискурсе.

В логике или классической риторике *топос* означает аргумент, или некую схему аргументации, аргументационное лекало, уже выработанное и широко применяемое в дискурсе [см.: Курилова, 2013]; в литературоведении – некий повторяющийся мотив, образ [см.: Прокофьева, 2005]. Водак определяет топос как «широкое семантическое, часто стереотипное, клише, заключающее в себе общие черты определенных линий аргументации» [Wodak, Iedema,

2004, p. 166]. Она отмечает, что топосы зачастую содержатся в высказываниях-энтимемах, которые основаны на общеизвестных посылах или неких подразумеваемых знаниях, известных каждому члену группы-адресата в условиях определенного контекста [Kwon, Clarke, Wodak, 2014, p. 6].

Основная функция топоса заключается в том, чтобы придать доказательность высказыванию спикера. Ряд исследований показывают, что топосы во многом определяют степень успешности политической риторики, поскольку с их помощью спикер может регулировать степень своего влияния на аудиторию. Например, Р. Водак в работе «Constructing boundaries without being seen...» доказывает, что успешность выступлений лидера правой австрийской партии АПС (FPÖ) Й. Хейдера (J. Heider) во многом связана с грамотно встроенными в его дискурс топосами [Wodak, Iedema, 2004, p. 166]. В свою очередь ошибки в использовании топосов могут привести к ослаблению аргументации [см.: Eemeren, Houtlosser, Henkemans, 2007].

Поскольку топос является одной из составляющих аргументации, обратимся к структуре данного процесса. Одной из наиболее известных на сегодняшний день моделей аргументации является модель С. Тулмина, согласно которой каждый аргумент имеет в своей структуре несколько элементов: утверждение (claim), основание данного вывода (data, ground) и общее умозаключение (warrant), которое устанавливает связь между основанием и выводом (утверждением). Третий из указанных элементов – некое общее, широко разделяемое умозаключение – и является топосом¹. Если представить аргумент в виде формулы «если D, то C», то топос в данном случае выступает тем мостиком, который обуславливает причинно-следственную связь между D и C. Сам топос также конструируется по формуле «если имеет место A, тогда последует B» или «если не A, то последует B». Но особенность топоса заключается в том, что он сродни аксиоме не требует доказательств, так как в данном обществе считается общепризнанным.

Помимо вышеназванных составляющих Тулмин выделяет в своей модели еще три дополнительных элемента: поддержка

¹ Сам С. Тулмин термин *топос* не использовал, он называл его warrant. Как отмечалось выше, впоследствии М. Кьенпоинтнер стал называть эту часть аргумента топосом.

(backing) – т.е. некие сведения, факты, которые могут подкрепить топос в случае попытки его опровержения; опровержение / контр-аргумент (rebuttal) – возможность исключительных обстоятельств, которые могут поставить под сомнение (или вообще отменить) значимость вывода, т.е. попытаться поставить под сомнение авторитетность топоса; и модификатор (modal qualifier) – который, по мнению Тулмина, показывает степень убедительности топоса [Bermejo-Lique, 2006, p. 71]. Модификатор может быть как имплицитным, так и эксплицитным и выражается в виде таких модальных слов, как «может быть, вероятно, очевидно; кажется, что... можно предположить, что... я думаю, что... и т.п.» [Филиппова, 2003].

Описанная модель Тулмина, в сущности, представляет собой пошаговую инструкцию по выявлению топосов. Сначала необходимо выявить основное утверждение спикера, а затем посредством формулирования соответствующих вопросов идентифицировать все части аргументации. В ходе данного процесса и определяются топос и его вид [Zagar, 2010, p. 23].

Достоинства этой схемы состоят в том, что она позволяет не только выявить структуру аргументации, но и определить силу топоса и опровержения (контраргумента) и таким образом спрогнозировать эффективность построенной на его основе аргументации [см.: Eemeren, Houtlosser, Henkemans, 2007]. Однако при этом остается открытым вопрос о том, как методологически идентифицировать аргументационный вывод и каким образом выявить признаки использования стратегии аргументации в исследуемом тексте. Для решения этой задачи, на наш взгляд, наиболее перспективным является прагматико-диалектический подход, который предлагает при анализе аргументационного дискурса опираться на семантические индикаторы аргументации [ibid., p. 1].

Аргументационные семантические индикаторы – это «определенные слова или выражения, которые указывают на разворачивание аргументационной схемы в тексте» [Eemeren, Houtlosser, Henkemans, 2007, p. 1]. Они упрощают выявление аргументационных схем. Однако, как справедливо замечает Еемерен, «мы не можем ссылаться на индикаторы, если определенные слова или выражения не идентифицированы в качестве индикаторов соответствующего вида топоса» [ibid., p. 1]. В связи с этим является важным составить лист слов и выражений, которые являются наиболее характерными для определенного типа топосов, что достигается в результате

анализа множества однотипных аргументационных схем, выявленных в речах различных спикеров.

В литературе выделяют следующие типы топосов: топос пользы / бесполезности или вреда, топос угроз / опасности, топос справедливости, топос права / законности, топос ответственности, топос непосильной нагрузки, топос эффективности / неэффективности, топос авторитета, топос культуры, топос истории, топос гуманитарной миссии [Wodak, 2011, p. 74]. Данный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен за счет идентификации новых типов или их подтипов в ходе проведения исследования, в зависимости от специфики его предмета. Более того, для каждого общества могут быть характерны свои топосы, что отмечал, например, Х. Перельман [Zagar, 2010, p. 22] и что подтверждается эмпирическими исследованиями. Важным является и то, что в каждом языке существуют свои семантические индикаторы. Основатели прагматико-диалектического подхода Ф.Х. ван Ееме-рен, П. Хоутлоссер и А.Ф.С. Хенкеманс первоначально разработали систему семантических индикаторов аргументации в голландском языке. Впоследствии они провели аналогичную работу на базе англоязычных текстов [см.: Eemeren, Houtlosser, Henkemanns, 2007]. Ниже мы попытаемся адаптировать положения их теории с учетом особенностей русского языка и представим краткий обзор семантических индикаторов различных видов топосов, выделенных по результатам проведенного нами анализа. Мы надеемся, что данная работа станет стимулом для расширения исследований в этой сфере и заполнения существующих пробелов.

Виды топосов и их семантические индикаторы

На основе модели Тулмина, описанной выше, и классификации, предложенной Водак, был проведен анализ аргументационных схем, используемых в ежегодных посланиях российских президентов Б. Ельцина, В. Путина и Дм. Медведева, адресованных Федеральному собранию РФ. В политических текстах данного жанра спикер, как правило, затрагивает все наиболее значимые события ушедшего года и обозначает ключевые пункты программы на следующий год, аргументируя необходимость как принятых, так и предлагаемых политических решений. Таким образом,

послания, на наш взгляд, представляют плодотворный материал для анализа топосов. В аналитический корпус исследования были включены тексты президентских посланий за период с 1993 по 2015 г., что в общей сложности составило 23 документа. В ходе исследования были идентифицированы 16 видов топосов, для каждого из которых определялись характеризующие его семантические категории. Однако появление некоторых из этих топосов носило единичный характер: среди них, например, топос реальности, топос ответственности, топос рациональности, топос правосознания, топос цифр. Для целей нашего исследования наибольший интерес представляли топосы, которые неоднократно встречались в выступлениях хотя бы двух из названных президентов и частота использования которых в сумме составляла не менее 10 раз за период исследования. Опираясь на данные критерии мы выделили шесть наиболее повторяющихся в посланиях топосов и проанализировали идентифицирующие их семантические индикаторы: топос всеобщего блага, топос угроз, топос законности, топос демократии, топос истории и топос гуманитарной миссии¹. Однако в рамках данной статьи мы опустим топосы всеобщего блага и законности ввиду того, что они подробно описаны в уже существующих работах [см.: Wodak, 2011], и остановим свое внимание на тех, которые в литературе описаны в меньшей степени.

ТОПОС УГРОЗ / ОПАСНОСТИ является устоявшимся представлением о том, что если нечто составляет угрозу существования, оно должно быть предотвращено или уничтожено. В данном случае аргументация строится по схеме: поскольку существует такая-то опасность, необходимо совершить такое-то действие [Wodak, 2011, p. 75].

Данный топос – одна из самых распространенных аргументационных схем, используемых политиками всего мира для легитимации принимаемых ими решений. Отечественный публичный дискурс не составляет исключения и, по результатам нашего исследования, в посланиях президентов является одним из наиболее часто применяемых². Его широкое использование объясняется тем,

¹ Топосы перечислены в порядке убывания частоты их использования в исследуемых текстах.

² Топос угроз составляет около 25% от общего количества выделенных видов топосов и является вторым по частоте употребления в посланиях после топоса всеобщего блага. Однако следует отметить, что он наиболее характерен

что он обращается к чувству страха. Как отмечают некоторые авторы, страх является одной из самых эффективных эмоций, способной убедить человека принять любые лишения, лишь бы избежать «большого зла» [см.: Reyes, 2011, p. 789]. Таким образом, спикер может добиться легитимации наиболее сложных или малопопулярных решений, влекущих существенные социально-экономические затраты для общества, если сумеет убедить аудиторию, что предпринимаемые им действия направлены на предотвращение угрозы их жизни.

Базовыми семантическими индикаторами данного топоса являются такие существительные, как *угроза*, *опасность*, *риск*. Например, в послании 2012 г. президент В. Путин обосновывает свою приверженность консервативным взглядам и необходимость введения ответственности за оскорбление чувств верующих через топос угроз:

«Тогда (в последние 10–15 лет. – *Прим. авт.*) были отброшены все идеологические штампы прежней эпохи. Но, к сожалению, тогда же были утрачены и многие нравственные ориентиры. [...] Сегодня это проявляется в равнодушии к общественным делам: чаще всего в готовности мириться с **коррупцией**, с **наглым стяжательством**, с **проявлениями экстремизма и оскорбительного поведения**. И все это порой приобретает безобразные, **агрессивные**, вызывающие формы, скажу больше – **создает долгосрочные угрозы** обществу, безопасности, да и целостности России» [Путин, 2012].

Данное высказывание имплицитно является реакцией на дело «Пусси Райот», в рамках которого действия группы представлялись как угроза для российского общества. Согласно топосу угроз, то, что угрожает, должно быть устранено и предотвращено. Следовательно, закон, который предотвратит деяния, подобные делу «Пусси Райот», т.е. закон о введении уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих (который вступил в действие в следующем 2013 г.), должен быть принят.

Президент Б. Ельцин также довольно часто обращался к топосу угроз при аргументации своей позиции. Например, в послании 1996 г. упомянутый топос используется для обоснования необходимости подписания Беловежских соглашений.

для посланий Б. Ельцина и В. Путина, тогда как в посланиях президента Дм. Медведева встречается крайне редко.

«Стране **грозил** либо **неуправляемый распад**, либо **военные столкновения** при попытках сохранить Союз силой, которые привели бы к **последствиям более страшным, чем в Югославии**. Беловежские соглашения подводили черту под свершившимся. Они закрепили желание сохранить традиционные отношения дружбы и сотрудничества. Они отражали общее понимание **угрозы неуправляемого распада**» [Ельцин, 1996].

В данном случае на топос угроз указывают, прежде всего, слова *угроза*, *грозил*. Индикаторами выступают также выражения, обозначающие конкретные виды явлений, которые воспринимаются данным обществом как опасность. Например, в цитируемой выше выдержке в качестве угроз предстают *неуправляемый распад*, *военные столкновения, которые привели бы к последствиям более страшным, чем в Югославии*. К числу таких явлений – индикаторов топоса угроз – относятся также категории *война*, *катастрофа*, *массовые беспорядки*, *экстремизм*, *терроризм*, *агрессивное поведение*, *разрушение экономики*, *кризис*, *разрушительная варварская идеология* и др. Например, в выступлении Б. Ельцина, обосновывающем необходимость нарушения действовавшей тогда Конституции, на топос угроз указывают семантические индикаторы, такие как *гражданская война* и выражение *противостояние достигло критической точки*:

«Во второй половине 1993 года **политическое противостояние на федеральном уровне достигло критической точки**, любые попытки найти компромисс уже не давали результата. <...> Оставалась единственная возможность – прекратить полномочия депутатов, а тем самым формально поступить вопреки отдельным положениям действовавшей тогда Конституции. <...> Но те, кто боялся доверить свою судьбу воле народа, избрали другой путь – **прямую вооруженную конфронтацию, ведущую к гражданской войне**. Допустить этого было нельзя. Мне пришлось принять трудное, но неизбежное решение» [Ельцин, 1996]¹.

Спикер признает, что нарушил положения действующей тогда Конституции, однако добавляет, что его решение было вынуж-

¹ В представленной выдержке также используются элементы топоса демократии. Действия противников реформ предстают как противоречащие воле народа, а линия поведения спикера репрезентируется как следующая выбору граждан, что усиливает аргументацию.

денным, необходимым и единственно возможным для предотвращения гражданской войны. Тем самым военная угроза легитимизирует нарушение норм Конституции.

Характерно, что наименование конкретных угроз, как правило, используется в сочетании с выражениями, обозначающими действия врага, которые также несут в себе указание на характер угрозы, например: *стремятся подавить, разрушить, уничтожить, агрессивно навязывают, сеют страх и ненависть, будут взрывать, убивать* и другие подобные фразы. Примером может служить выдержка из послания В. Путина 2015 г., в котором тоpos угроз используется для обоснования вступления в сирийский военный конфликт:

«Особая **опасность для нас** исходит от боевиков, которые сконцентрировались в Сирии. <...> И если окрепнут, победят там, то неизбежно окажутся у нас, чтобы **сеять страх и ненависть, взрывать, убивать, мучить людей**. И мы обязаны встретить их и **уничтожить на дальних подступах**. Вот почему было принято решение о военной операции. <...> И в Сирии наши Вооруженные Силы сражаются прежде всего за Россию, **отстаивают безопасность именно наших граждан**» [Путин, 2015].

В данном случае индикаторами тоposа угроз, помимо слова *опасность*, выступают слова, обозначающие содержание угрозы, а также действия, которые, по мнению спикера, необходимы для ее предотвращения, – *уничтожить боевиков на дальних подступах, отстаивать безопасность*.

ТОПОС ДЕМОКРАТИИ (или ЛЕГИТИМНОСТИ) – аргументационная схема, опирающаяся на признание (хотя бы формальное) ценности демократии. Иными словами, принятие политического решения обосновывается тем, что оно является выражением народной воли. Аргументация в этом случае строится в виде следующей условной конструкции: если а) народ одобряет данное действие или б) если это действие демократично (т.е. дает власть народу, людям), то оно должно быть совершено. Возможна также обратная схема: если а) народ не одобряет это действие или б) оно недемократично, то оно не должно быть совершено.

Статус демократии в современном мире по-прежнему высок, несмотря на все сложности и кризисы, с которыми данный концепт сталкивается сегодня. Даже авторитарные режимы стремятся репрезентировать себя в глобальном дискурсе как представляю-

щих интересы народа и зачастую именуют себя именно демократиями, хоть и с особенностями¹, что делает данный топос довольно популярным в речах политиков любого режима [Ottaway, 2003]. В посланиях российских президентов он занимает третье место (вместе с топосом законности) по частоте появления, что составляет около 12% от общего количества выявленных аргументационных схем.

На топос демократии указывают, прежде всего, существительные *народ, граждане России, наши люди, население (России), общество* в сочетании с глаголами, обозначающими действия по выражению волеизъявления народа. Например, *народ выбрал, поддержал, решил, просит, хочет или не желает; наше общество приняло иной путь, жители республики дали ясно понять, что...; десятки миллионов людей разных взглядов высказались за / против...; большинство российских граждан сегодня понимают, что...* Дополнительным указанием на топос демократии является ссылка на использование демократических процедур, таких как *выборы, референдум* и т.п.

Например, Б. Ельцин, обосновывая включение Чеченской республики в состав РФ, ссылается на то, что это выбор жителей республики:

«17 декабря 1995 г. **были избраны** законный глава Чеченской Республики и депутат Государственной Думы от Чечни. Тем самым **жители республики ясно дали понять: они хотят мира, они хотят спокойно жить, иметь нормальную власть**» [Ельцин, 1996].

К подобной схеме аргументации он прибегал и в 1994 г., обосновывая усиление президентской власти, закрепленное Конституцией 1993 г., ссылкой на то, что это был выбор *десятков миллионов людей* и сделан он был через демократическую процедуру *всенародного голосования*:

«Время политической конфронтации прошло. Стране нужна последовательная, созидательная совместная работа. **Десятки миллионов людей разных взглядов высказались на всенародном голосовании** в декабре 1993 г. за Конституцию. Более прочной базы для достижения согласия сегодня в России не найти» [Ельцин, 1995].

¹ Например, управляемая демократия, неконсолидированная демократия, суверенная демократия и др.

В. Путин, аргументируя присоединение Крыма, также обращается к топосу демократии, ссылаясь на то, что *жители полуострова явно заявили о своем желании присоединиться к России через референдум*:

«Конечно, мы не можем сегодня не сказать о тех исторических событиях, которые произошли в этом году. Как известно, в марте этого года в Крыму состоялся **референдум**, на котором **жители полуострова явно заявили** о своем желании присоединиться к России» [Путин, 2014 а].

Топос демократии характерен и для посланий Дм. Медведева. Например, выступая за отмену денежного залога на выборах, он обосновывал это тем, что «участвовать в выборах или нет – **должны решать** не деньги, а **мнение людей**, репутация партии и **доверие избирателей** к ее программе» [Медведев, 2008]. В данном случае спикер выстраивает аргументацию по схеме: поскольку доверять решение рассматриваемого вопроса мнению людей и доверию избирателей – демократично, то так и должно быть сделано. Таким образом, в основе его аргументации лежит посылка, подразумевающая ценность демократии. В качестве индикаторов топоса демократии здесь выступают выражения *должно решать мнение людей и доверие избирателей*.

ТОПОС ИСТОРИИ (*historia magistra vitae*) – аргументационная схема, в которой в качестве обоснования выступает ссылка на историческое прошлое, исторические уроки. Исторический опыт в этом случае может репрезентироваться как в негативном, так и в позитивном свете. Аргументация, таким образом, строится по следующей формуле: поскольку история учит нас, что такое-то действие имеет такие-то последствия, то возникает необходимость совершить это действие или, напротив, воздержаться от него.

Топос истории довольно распространен в российском официальном дискурсе¹ [см.: Малинова², 2012]. Борис Ельцин, например, в своих публичных выступлениях часто ссылался на негативные события прошлого, тем самым легитимируя свои решения как необходимые для предотвращения повторения отрицательного ис-

¹ Частота появления топоса истории в президентских посланиях составляет около 9% от общего числа выделенных топосов.

² Хотя О. Малинова в своих работах не использует термин *топос*, ее работы методологически близки к концепции топоса Р. Водак.

торического опыта. Так, значительная часть послания Федеральному собранию 1996 г. посвящена описанию недостатков советской политико-экономической системы, приведшей страну к тяжелому положению, в которой она оказалась в 1990-х. В заключении он подчеркивает: «**Опыт российской истории** заставляет нас отказаться от утопической социальной инженерии, которая ставит придуманную, несбыточную цель, а затем приносит жизни и судьбы людей в жертву ее реализации» [Ельцин, 1996]. Тем самым он легитимирует проведение болезненных, но необходимых реформ и невозможность возвращения к плановой экономике¹.

В. Путин, напротив, чаще использует топос истории в позитивном смысле. Например, в ежегодном послании 2003 г. он говорил:

«Хотел бы напомнить: **на всем протяжении нашей истории Россия** и ее граждане совершали и совершают поистине **исторический подвиг**. Подвиг во имя целостности страны, во имя мира в ней и стабильной жизни. Удержание государства на обширном пространстве, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире – это не только огромный труд. Это еще и огромные жертвы, лишения нашего народа»; «...таков **тысячелетний исторический путь России**. Таков способ воспроизводства ее как сильной страны» [Путин, 2003].

Как отмечает О. Малинова, данное высказывание стало обоснованием его позиции в общественной дискуссии, в рамках которой «огромная территория рассматривается не только как залог величия России, но и как проблема, в частности – как фактор, определяющий “мобилизационный” тип развития страны, сопряженный с некоторыми издержками» [Малинова, 2013, с. 122]. На топос истории в выделенном эпизоде указывают такие выражения, как *на всем протяжении истории, таков тысячелетний исторический путь России, исторический подвиг*. Аргументация спикера в данном случае строится по следующей схеме: поскольку именно «таков тысячелетний исторический путь России», то и сейчас народ должен поступать так же, т.е. любой ценой «удерживать целостность страны».

Семантическими индикаторами топоса истории, как видно из данных примеров, выступают, прежде всего, слова *история*,

¹ Стоит оговориться, что топос истории в упомянутом послании использовался в сочетании с топосом угроз / опасности.

прошлое и их производные, а также выражения *история учит, история знает много случаев, исторический урок, уроки прошлого, историческая судьба*; упоминание исторических событий и дат и их сопоставление с сегодняшними событиями, использование выражений, указывающих на период времени в прошлом (*на протяжении семи десятилетий*), использование выражений *советская Россия, царская Россия* и т.п.

Например, при обосновании решения о присоединении Крыма В. Путин использовал не только тоpos демократии / легитимности (описание которого было представлено выше), но и тоpos истории, указывая на огромное историческое значение данного события для русского народа, поскольку именно в Крыму князь Владимир крестил всю Русь.

«Для нашей страны, для нашего народа это событие имеет особое значение. Потому, что в Крыму... находится духовный источник формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, **в древнем Херсонесе**, или, как называли его русские летописцы, **Корсуни**, принял крещение **князь Владимир**, а затем **и крестил всю Русь**» [Путин, 2014 а].

В данном случае на тоpos истории указывают старинное наименование российского государства *Русь* и местностей *Корсунь, древний Херсонес*, упоминание имени исторической личности *Князя Владимира* и сопоставление событий прошлого (*крещение Руси*) с настоящим.

Дм. Медведев использовал тоpos истории при аргументации необходимости увеличения президентского срока и срока действия Государственной думы, ссылаясь на исторический опыт других стран:

«Эти вопросы, начиная уже с 90-х годов, поднимались неоднократно. Эти темы давно обсуждаются. Многие ссылались на **историю, которая знает достаточное количество случаев**, когда демократические государства изменяли сроки полномочий органов государственной власти» [Медведев, 2008].

ТОПОС ГУМАНИТАРНОЙ МИССИИ основан на принципе ценности человеческой жизни. Построенная на этом топосе аргументация может быть выражена в виде условной конструкции: если какое-то политическое действие / решение направлено на предотвращение или прекращение страданий людей, то оно должно быть совершено.

Данный топос довольно близок по содержанию к топосу угроз, поскольку для него присуще использование схожих семантических индикаторов – *уберечь, защитить, оградить, помочь, спасти, обеспечить безопасность*. Например, в послании 2008 г. Дм. Медведев использует топос гуманитарной миссии для обоснования вторжения в Грузию:

«Подчеркну еще раз: решение о принуждении агрессора к миру и операция, предпринятая нашими военными, осуществлялись не против Грузии, не против грузинского народа, а **ради спасения жителей республики и российских миротворцев**. Для **обеспечения прочной и долговременной безопасности народов Южной Осетии и Абхазии**» [Медведев, 2008].

В данном случае индикаторами являются выражения, указывающие на характер гуманитарных действий, – *спасение жителей и обеспечение их безопасности*. Отличие от топоса угроз состоит в том, что в случае использования последнего спикер акцентирует внимание на описании угроз и их последствий, а также демонизации «Другого», тогда как в топосе гуманитарной миссии большее внимание уделяется описанию действий по спасению людей, как проиллюстрировано выше, или страданий ущемляемой группы. Семантическими индикаторами выступают выражения, описывающие пытки, лишения, страдания людей. При этом позиция спикера репрезентируется как *помощь, гуманитарная миссия, миротворческая акция или обязательства, защита прав человека*.

Такая стратегия была использована в выступлении В. Путина в рамках пресс-конференции 04 марта 2014 г., в котором он обосновал необходимость применения российских вооруженных сил на территории Украины:

«Еще раз хочу подчеркнуть: мы считаем, что если мы даже примем решение, если я приму решение об использовании Вооруженных Сил, то оно будет легитимным, полностью соответствующим <...> нашим обязательствам. <...> И это **гуманитарная миссия**. Мы не претендуем на то, чтобы кого-то поработать, кому-то диктовать что-то. Но, конечно, мы не сможем остаться в стороне, если увидим, что их **начинают преследовать, уничтожать, подвергать издевательствам**. Очень бы хотелось, чтобы до этого не дошло» [Путин, 2014b].

В данном случае на топос гуманитарной миссии указывают выражение *гуманитарная миссия* и перечисление тех страданий,

которые люди могут понести: *их начинают преследовать, уничтожать, подвергать издевательствам.*

Некоторые выводы

Безусловно, в дискурсе топосы разных видов тесно переплетаются друг с другом. Спикер может использовать совместно два или три топоса для усиления своей аргументации. Например, топос угрозы нередко поддерживается топосом гуманизма или всеобщего блага, а топос истории – топосом демократии, что было упомянуто ранее.

В целом описанный выше метод анализа топосов представляется весьма продуктивным для исследований политического дискурса, поскольку позволяет выявить его семантические и аргументационные особенности и предоставляет адекватный инструментарий для их описания. Систематический анализ топосов и идентификация их семантических индикаторов дают возможность выявить характерные особенности национальных политических дискурсов, а также определить степень эффективности политической риторики.

Вместе с тем следует учитывать, что любой дискурс представляет собой совокупность различных стратегий, которые тесно связаны между собой и отчетливо различимы только при их деконструкции. Например, очень часто при аргументации (особенно в случаях применения топоса угроз) своей позиции спикер использует стратегию номинализации, усиливая тем самым свои аргументы. Все эти особенности должны учитываться при анализе и верификации результатов дискурс-анализа.

Список литературы

- Ельцин Б. Послание Федеральному Собранию РФ. – М., 1995. – 16 февраля. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_o_dejstvennosti_gosudarstvennoj_vlasti_v_rossii_1995_god.html (Дата посещения: 17.01.2016.)
- Ельцин Б. Послание Федеральному Собранию РФ. – М., 1996. – 23 февраля. – Режим доступа: http://artlibrary2007.narod.ru/poslanii_prez.html (Дата посещения: 15.05.2015.)

- Курилова А.Д. Топосы (Loci Topici) в интерпретации нижегородской рукописной риторики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2013. – № 1 (1). – С. 361–363.
- Малинова О.Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2013. – № 1. – С. 114–130.
- Малинова О.Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политэкс. – СПб., 2012. – № 4, Т. 8. – С. 179–204.
- Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contro. – М., 2011. – Май – август. – С. 106–122.
- Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (Дата посещения: 16.05.2015.)
- Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – Оренбург, 2005. – № 11. – С. 87–94.
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2003. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998> (Дата посещения: 15.05.2015.)
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2012. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> (Дата посещения: 15.05.2015.)
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2014 а. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173> (Дата посещения: 16.05.2015.)
- Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. – М., 2015. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (Дата посещения: 25.01.2016.)
- Путин В.В. Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине // Президент России. – М., 2014 б. – 4 марта. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20366> (Дата посещения: 17.01.2016.)
- Филиппова К.А. Лингвистика текста. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2003. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3849573/> (Дата посещения: 20.01.2016.)
- Фомин И.В. Возможности анализа репрезентаций государственных образований в политических дискурсах (на примере образа Косова) // Полис: Политические исследования. – М., 2014. – № 2. – С. 124–137.
- Amossy R. Argumentation and discourse analysis // The discourse studies reader: Main currents in theory and analysis / Eds. E. Angermuller, D. Maingueneau, R. Wodak. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. – P. 297–305.
- Bermejo-Lique L. Toulmin's model of argument and the question of relativism // Arguing on the Toulmin model. New essays in argument analysis and evaluation / D. Hitchcock, B. Verheij (eds.) – Dordrecht: Springer, 2006. – P. 71–87.

- Dijk T.A., van.* Critical discourse analysis and nominalization: Problem or pseudo-problem? // *Discourse and society*. – Barcelona, 2008. – Vol. 9, N 6. – P. 821–828.
- Edelman M.* Language, myths and rhetoric // *Society*. – N.Y., 1998. – N 1. – P. 131–139.
- Eemeren F.H., van, Houtlosser P., Henkemans A.F.S.* Argumentative indicators in discourse. A pragma-dialectical study. – Dordrecht: Springer, 2007. – 234 p.
- Kwon W., Clarke I., Wodak R.* Micro-level discursive strategies for constructing shared views around strategic issues in team meetings // *Journal of management studies*. – Oxford, 2014. – Vol. 51, Is. 2. – P. 265–290.
- Moeschler J.* Argumentation and connectives. How do discourse connectives constrain argumentation and utterance interpretations // *Interdisciplinary studies in pragmatics, culture and society, perspectives in pragmatics, philosophy and psychology 4* / A. Capone, J.L. Mey (eds.). – Cham: Springer, 2016. – P. 653–675.
- Ottaway M.* Democracy challenged: The rise of semi-authoritarianism. – Washington, DC: Carnegie endowment for international peace, 2003. – 147 p.
- Reyes A.* Strategies of legitimization in political discourse: From words to actions // *Discourse and society*. – Barcelona, 2011. – Vol. 22. – P. 781–807.
- The discursive construction of national identity / Ed. Wodak R. – Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2009. – 288 p.
- Wodak R.* The discourse-historical approach // *Critical discourse analysis: Concepts, history, theory* / Ed. Wodak R. – L.: Sage, 2011. – P. 63–93.
- Wodak R., Iedema R.* Constructing boundaries without being seeing: The case of Jorg Haider, politician // *Revista Canaria de estudios ingleses*. – San Cristobal de la Laguna, 2004. – N 49. – P. 157–178.
- Zagar I.Z.* Topoi in critical discourse analysis // *Lodz papers in pragmatics*. – Lodz, 2010. – N 6.1. – P. 3–27.